

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ
НОЧЬ В БЕРХТЕСГАДЕНЕ
НЕОКОНЧЕННЫЙ ПАМФЛЕТ

От автора

В осажденном Ленинграде, в суровых условиях очень холодной зимы, перенося невероятные лишения, ленинградцы в городе и на фронте с тревогой следили за ходом немецкого наступления на Москву. Так как сводки Информбюро были очень сдержанны, то только по названию мест, захваченных сражением, можно было судить, как фронт неудержимо приближается к столице.

Нам известны были громкие реляции фашистского командования и людоедский приказ Гитлера об уничтожении Москвы и всего населения города, хвастливые заявления Гитлера, что теперь не время Наполеона, что воюют техникой и фашистская армия не будет иметь судьбы наполеоновской армии, что Наполеон против Гитлера ничего не стоит. В то же время Гитлер пытался подражать Наполеону. Еще начиная войну 22 июня 1941 г., Гитлер отдал приказ, явно напоминавший обращение к войскам Наполеона, подписанное тоже 22 июня. Через два дня, 24 июня 1812 г., Наполеон наблюдал за переправой своих войск через Неман. Армии Гитлера начали переправу через Буг почти в тот же день, 129 лет спустя.

Как Наполеон, так и Гитлер обещал солдатам отдать на разграбление Москву.

Нельзя описать радость, когда весть о разгроме фашистских войск под Москвой достигла Ленинграда. Эта историческая победа сразу подняла дух в войсках на фронте и у населения города. Бои ширились, разгром продолжался, и скоро стало ясно, что Гитлер потерпел решительное поражение и что с блицкригом кончено.

Очень захотелось написать острый памфлет против соперника Наполеона, пытавшегося превзойти французского завоевателя. Мне были по некоторым материалам известны факты, связанные с резиденцией фюрера — Берхтесгаденем, и я, не откладывая в долгий ящик этой темы, начал писать по разработанному плану памфлет.

Был составлен конспект. Пользуясь немногими часами свободного времени, я писал сначала довольно быстро. Выходило, что получится отдельная брошюра, но потом военные задания другого рода прервали эту работу, и я долго не мог к ней вернуться.

Я думал, что выберу время и окончу наполовину заверченный памфлет. Но так и не смог его окончить, а потом события оттеснили эту тему, я уже не возвращался к памфлету, и он, частью написанный, частью в набросках, остался лежать в моем архиве.

Конечно, на памфлете «Ночь в Берхтесгадене» лежит печать времени, когда он был написан. Это сказалось, в частности, в характеристике немецкого народа как целиком развращенного Гитлером. Теперь о многом мы знаем больше, чем тогда, мы знаем, что лучшие сыны и дочери немецкого народа не примирились покорно с бесчеловечным фашистским режимом. Они участвовали в подпольной борьбе против него, в движении Сопротивления; они стремились срывать работу военных предприятий; совершая, как говорили гитлеровцы, акты саботажа; они томились и погибали в концентрационных лагерях, не отрекаясь от своих убеждений. Им

удалось внести и свой вклад в борьбу прогрессивного человечества против гитлеризма, и их имена не забыты теперь, они вспоминаются с уважением в Германской Демократической Республике.

Однако, думается, что в целом памфлет и сегодня не потерял своего значения в обстановке оживления и усиления милитаристских и реваншистских настроений в ФРГ, в условиях активизации реакционных сил в других странах. Именно поэтому я счел возможным предложить это незаконченное произведение редакции «Литературного наследства» для тома, посвященного истории литературы военных лет.

1964

1

В зверинце, состоящем из отборных фашистских зверей, называемом рейхстагом, Гитлер произнес речь, вернувшись с Восточного фронта. Произнес — это не то слово. Он плевал бешеной слюной, он орал, как никогда, он хрипел, как испорченный громкоговоритель. Его искусственно сделанные горловые связки надорвались от хрипа.

Гитлер напал на Рузвельта, осыпая его площадной бранью, под рев разъяренных и растерявшихся фашистов. Он кричал о том, что «Япония пресытилась переговорами и взялась за оружие», он кричал истопно о том, что «на Восточном фронте наступила неожиданно зима и что климатические условия мешают планам» и больше не будет никаких наступлений, пришла пора защищать отвоеванное с великим трудом. Он жаловался, что его солдаты ужасно мучаются от холода, что вши заедают их, что они покрыты коростой от грязи и тонут в крови, что у русских слишком много оружия, что русские — это ни на что не похоже — не хотят сдаваться и что воевать с ними стало очень трудно.

Он ругался, угрожал, объяснял, увещевал, призывал к жертвам и совершенно без голоса уехал в Берхтесгаден: Это был черный день Гитлера. За днем наступила черная ночь. Его хриплый лай не убедил даже фашистов. Это он понял. Случилось что-то непоправимое.

Берхтесгаден — его резиденция, далекая от тревожного шума Берлина, от боевых полей России. Ему надо было успокоиться, прийти в себя и подумать о жизни. Вождь явно выдохся.

Над Берхтесгаденом ночь. В огромные окна мерцают снежные выси Баварских Альп. Они зло напоминают ему о том, что делается там далеко, под неприступной Москвой. Об этом он не посмел сказать в своем рейхстаге. Там на всех дорогах застыли брошенные в бегстве тысячи машин, тысячи орудий, в сугробах торчат танки и броневики, на брошенных аэродромах мерзнут самолеты без бензина, высятся горы оставленных снарядов и мин, лежит вся его прославленная техника. Небо озаряется русскими победными выстрелами.

Он кричал в Берлине, что наступление зимы может помешать немецкому продвижению!

Какому продвижению?! Он не смел сказать открыто то, о чем говорит весь свет. Десятки разбитых в дым дивизий бегут назад — на запад, бегут, бросая оружие, переодеваясь в бабьи платки и шубенки, в армяки, снятые с убитых русских крестьян, и в полушубки, подобранные с пленных, бегут, колотя замерзшими руками о впалые бока, бегут пьяные, с вытаращенными от страха глазами. Продвижение! Да, они продвигаются быстро — они бегут налегке, бросая оружие. Все его прославленные «викинги», «оленьи головы», «витязи Германии» и даже полк, который называется «Адольф Гитлер». Они проходили хорошую спортивную подготовку — они бегут резво.

Ноги замерзших торчат из снега, страшные синие морды замечает вьюга, грязные немецкие руки тянутся к серому холодному небу, как бы насмешливо приветствуя фюрера своим замогильным жестом.

Н. С. ТИХОНОВ В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Фотография, 1942

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Армия «мирового гангстера» ищет зимние квартиры не по тому адресу, который он ей указал. Вместо теплых постелей — сугробы, вместо московских богатств — черный сухарь в кармане, вместо жирной жратвы — замерзшая кровь на морде.

Он говорил им: нет правды, все позволено. Мне нужны люди с крепкими кулаками, которых не останавливают принципы, когда надо уकोкошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности — плевать мне на это...

Он никогда не ошибался, он не может ошибаться. Его слово это всё, его воля это всё. Ведь он Наполеон!

Что такое Наполеон? Когда гитлеровская армия выжигала Литву и Белоруссию, он приказал написать специальную листовку о том, что Наполеону не снилась такая техника, какая у него, что Наполеон воевал отстало, что путь на Москву уже открыт, русская армия, ее самолеты и танки уничтожены и что эта война на востоке просто хорошая военная прогулка, укрепляющая здоровье воинов, тренировка перед завоеванием остального мира.

Получилось лихо и в его духе. Разве его армия — армия корсиканца? У Наполеона была какая-то непонятная молодежь, для которой он открывал какие-то средние и высшие школы! Это глупо! Гитлер учил молодежь Германии только тому, что пригодится в жизни: стрелять, не распускать, маршировать, убивать и грабить. Больше им ничего не надо.

Он поднял на недосягаемую высоту «нового немецкого духа» серую массу лавочников, служащих, маленьких чиновников, мясников, торговцев краденым, разорившихся рантье, безработных офицеров, сутенеров, уличных воров, бродяг и авантюристов. Они все жадно хотели разбогатеть дома, веря в фашистскую революцию, о которой день и ночь трубил Гитлер, идя к власти.

Но он их повел на мировой грабеж. Это величественней. Он отдал им на расправу старые земли Европы, ее богатства, ее вина, ее женщин, ее города. Он заранее дарил им земли России, он вел их как помещиков, и во сне они видели себя окруженными восточной роскошью, рабыни толпились вокруг них и рабы обрабатывали необозримые поля, по которым они носились в танках или объезжали их с бичом в руке, чтобы подгонять нерадивых. Дивный сон немецкого обывателя!

До этого разве мог дойти Наполеон! Что он перед мелким немецким буржуа, который мечтает о мировой власти, что он со всеми своими мечтами о всесветной империи перед взбесившимся немецким колбасником, перед жестоким, хладнокровным убийцей и насильником с вытаращенными глазами и безумным криком: война — это я!

...Гитлер ходит нервными шагами по тихим пушистым коврам роскошного ночного дворца. Он сейчас не крикает и не сплевывает поминутно, как это он делает на людях. Обыватель должен подражать привычкам великого. Но великий должен иметь привычки. И он, выступая, всегда крикает и плюется во все стороны, чтобы каждый немец мог, сплевывая и крикая, считать себя в интимной духовной близости с самим фюрером. Но сейчас ему не до этого.

Почему же не вышло под Москвой? Почему они бегут? Что делать? Загадочный восточный мираж, погубивший Наполеона, снова действует с неслыханной силой. Все гораздо проще. Русские — это он может сказать себе — разгромили его лучшие войска, вот и всё. Они в свое время разгромили и Наполеона. Наполеон! Это сотни выигранных сражений, вся жизнь — битвы и штурмы. Треугольная шляпа и серый сюртук в дыму сражений. Миллезимо, Абукир, пирамиды, Маренго, Аустерлиц, Иена, Фридланд, Ваграм... Отчаянная храбрость, непобедимое героичество... Гитлер вспоминает нечто другое: тяжелый летний день первой

мировой войны. Он, крадучись, бежит через австрийскую границу и бродит по Мюнхену, укрывается в темных уголках, отсиживается в пивнушках и прячется у знакомых. Это Гитлер скрывается от воинской повинности. Это начало его военной карьеры.

Война все же наступает его, ставя между судом и казармой. Он вынужден пойти в казарму, называя себя добровольцем. Война делает из него серого, покорного, незаметного и никому не известного солдата. Это его боевое поприще. Из мясорубки войны вырывается жалкая больная фигура, не выдержавшая испытания, маленький человек, обросший грязью. вшами, глотнувший французского газа, обыватель, ничего общего не имеющий с военной наукой и военной славой, маленький человек, сбитый с толку большими событиями. Что ему делать? Он с лычкой ефрейтора, и поэтому начальство за его преданность и лакейство дарует ему небольшую службишку со скромным заработком.

Грязный и больно, с дергающимся лицом, застывшими глазами лунатика, пожирающими начальство, он ходит подслушивать, что говорят солдаты и рабочие на своих собраниях. Этот кусок хлеба называется хлебом шпиона, шпика. Это не похоже на пирамиды или на гремящее поле Ваграма.

Гремят только пивные кружки, и в дыму дешевых сигар рождается мысль, неотступная и навязчивая: почему он должен пресмыкаться, когда на его глазах спекулянты и его начальники обжираются, богатеют, имеют деньги, любовниц, дома и всё могут. Он мечтает: я буду таким, я буду иметь всё, что они, я им покажу, я их растопчу, я хочу повелевать, убивать, грабить, я весь мир скручу в своем кулаке. Я им покажу всем. К чёрту! Я хочу власти, я найду таких же, как я, и мы пойдём напролом.

Зимний холодный день. Мюнхен затаился, закрыл окна ставнями и молчит, как сфинкс. В этот день в городе происходит путч. Гитлер хочет взять власть. С ним несколько озлобленных генералов и немного всякой сволочи. Раздается залп.

Полицейский отряд разгоняет гитлеровскую банду. Гитлер не выносит, когда по нем стреляют. Он бросается на мостовую и ползает по ней, пока его не подбирают в автомобиль и поспешно не увозят с поля боя. Это не похоже на Аркольский мост.

Чёрт с ним с Наполеоном и его безумной храбростью. Он трус, но когда он придет к власти, он заставит самых храбрых дрожать перед собой. Он трус, что из этого. Это от бога. Это неисправимо. Он трус до мозга костей. Он трус даже в мирной обстановке. С этим ничего не поделаешь.

Наполеон выдумал Фонтенебло, тихий уголок с цветами и аллеями, где он бродил, отдыхая от грохота постоянных войн.

Что понимал Наполеон в вопросе, который подробно разработал Гитлер? Вот он сейчас отдыхает в тихом, уединенном Берхтесгадене. Какая чудная, тихая ночь, какая тишина гор в окне. Здесь безопасность — это правда. Еще бы, все дороги и тропы Берхтесгадена минированы, все укромные места полны пулеметных гнезд, часовые всюду, двери всех комнат снабжены особой сигнализацией, которая сообщит немедленно о всяком провишке в дом, на столе у Гитлера целый угол полон белых кнопок. Если нажать кнопку с номером любой комнаты, эта комната автоматически закроется и превратится в камеру, откуда нет выхода, если нажать большую красную кнопку, все помещения, кроме того, где находится сам Гитлер, наполнятся слезоточивым газом, сигнализация при входе в гитлеровский кабинет сейчас же сообщит, если порог приемной переступил человек с металлическим предметом в кармане — кинжалом или револьвером.

Это сбережение величайшего в мире труса от всякой опасности покушения. Еще бы, жизнь величайшего фюрера, представителя касты выс-

ших бандитов, князя гангстеров всего мира должна же оберегаться. Его хаза, т. е. дворец в Берхтесгадене, — самая лучшая в мире бандитская штаб-квартира. Это Аль-Капоне мирового масштаба.

Иногда он странно толстеет, выезжая из дому. Из-под пиджака виден край какой-то толстой рубашки. Это особый тонкий стальной панцирь, совсем как у американского гангстера, идущего сводить счеты с соперником. Такой панцирь он надевал, когда ехал ликвидировать своих вождей черной гвардии — штурмовых фюреров: Рема, Гейнса, Эрнста.

У него на службе три двойника. Им платят хорошие деньги за то, чтобы они появлялись за него и раскланивались с публикой. Они даже принимают мелкие парады и ездят в театр. Один из них насобачился подражать лаю фюрера и может говорить за Гитлера короткие речи, состоящие из выкриков.

На крайний случай во дворце есть подземный ход, ведущий к фантастическому замку на горе Келштейн. Туда можно удрать в самом крайнем случае.

Почему не говорить воинственных речей трусу. Наоборот, его хлебом не корми, дай ему орать о войне. Это его стихия. Он же сделал своей программой: война — это я! Он вверг в войну всю Европу, он мечтает весь мир залить кровью. Он обожает воспевать кровь в своих речах: «Кровь сильнее бумажных документов. Что написано чернилами, может быть в один день уничтожено кровью. Кровь — источник вдохновения воина!» Так не раз кричал он на весь мир: кровь — это прекрасно!

Он слушает детскую песенку, введенную в школах по его повелению. Звонкие детские голоса поют:

Когда дождит головами французов
И русских, и польскими в Польше —
Мы просим у бога: наш миленький бог,
Пусть эта погода продлится подольше!

Какая милая песенка! — восклицает он.

А сам он боится крови до тошноты. Наполеон был отважен. Под Тулоном под ним убили трех лошадей, в итальянской кампании — трех, при осаде Сен-Жак д'Акра — четырех. В сражении при Регенсбурге пуля попала ему в пятку, когда он садился на коня, при Долингене пуля пробила левый сапог и оцарапала ногу. Ядра запросто свистели вокруг него. На Аркольском мосту он схватил знамя из рук убитого знаменщика и повел в атаку солдат через мост, заваленный убитыми и ранеными. О полководце Наполеон говорил: надобно, чтобы ум его был всегда в равновесии с храбростью... Хорошо сказано, но откуда брать храбрость, если ее нет. Хорошо было Наполеону приказывать при отступлении в пустыне, чтобы всех раненых везли в повозках и экипажах и чтобы всех лошадей отдали под них. А когда адъютант спросил, какую лошадь оставить для главнокомандующего, Наполеон ударил его хлыстом и закричал: всем идти пешком! Я первый пойду! Что, вы не знаете приказа? Вон!

Хорошо было ему, храбрецу, стоять часами в злосчастный день 8 февраля 1807 года на кладбище близ Прейсш-Эйлау под русскими пулями и ядрами, ломавшими ветви над его головой, чтобы вселять мужество и уверенность в своих солдатах.

...Под русскими пулями, чтобы вселить уверенность, — нет Гитлер не годится для этого. Пусть его дураки вязнут в глубоких снегах России, он не будет идти с ними и вдохновлять их даже в тылу. Ему хорошо в теплом, уютном Берхтесгадене, а то, что они не сумели разбить русских, а сами разбиты — это их дело. Пускай выбирают, как знают.

У него хорошая память, и он помнит из популярных книжек, что такое переправа через Березину. Наполеон тоже имел знаменитую память,

«НАПОЛЕОН ПОТЕРПЕЛ ПОРАЖЕНИЕ...»

Планат Кукрыникова. «Искусство», М., 1941

Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Москва

несколько отличную от его, гитлеровской. Наполеон знал все полки, все имена людей, все лица их, если он однажды имел с ними дело.

Когда ему раз дали счет на сапоги для одного полка, он вспомнил, что несколько лет тому назад была другая цифра. Он знал, где стоит у него какая батарея. Беспощадная память Наполеона — такая память не нужна Гитлеру, она просто опасна. Он, заболтавшись о параде своих фашистов 7 ноября на Красной площади в Москве и подробно сосредоточив на нем свое внимание, забыл о маленькой детали: одеть по-зимнему свою разбойничью армию. Он забыл, что после ноября идет декабрь. Зима дохнула ему в лицо таким ледяным дыханием, что у него дыханье сперло. Как! Разве должна быть зима — уже, так скоро?

Он хотел победить самое время — так написали бы о нем его льстивые борзописцы, если бы он пришел в Москву. Но он не пришел, и что делать дальше, он не знает. Его хваленые завоеватели мира похожи на старых баб, закутанных в отрепья и посиневших от холода. Вши валяются с них, как с бродяг, забывших о пище и крове.

А этот осел с подержанной физиономией и вывороченной ступней, этот неполноценный ариец с языком змеи, живущей в сточных трубах, этот идиот Геббельс утешает его тем, что он написал про бегство немцев, что «если немецкая армия оставила несколько грязных лачуг, неудобных для жилья, то это не значит, что она отступает». Она ночует в поле, оставив такие лачуги, как Ростов и Клин, Калинин и Тихвин, Волоколамск и Елец, может быть, тут схватиться за наполеоновское средство. Он, уходя от Москвы, распространял листовку, в которой писал, что это не отступление, а начало наступления на Петербург через Смоленск. Но и под Ленинградом сейчас немцам жарко.

Может быть, действительно все же так написать. За окном дворца сияняя баварская ночь. Яркие сияют звезды над белоснежными горами. Немецкий убийца из обывателей по имени Шикльгруббер, по кличке Гитлер, ведущий к пропасти ослепший и развращенный немецкий народ, бегаёт по пустым комнатам, и сон не идет к нему.

Он боится закрыть глаза. Он увидит огромные белые равнины, залитые потоками немецкой крови, а он боится крови. Еще бы, он такой нежный. Все настоящие палачи такие деликатные натуры.

А он настоящий палач. Недаром он говорил в свое время: когда мы придем к власти — головы покатаются по мостовой...

И головы покатались. И головы всё еще катятся. И они будут катиться, пока не дойдет дело до его головы, головы трусливого и кровожадного фюрера.

2

А что думает обо всем этом немецкий народ? Плевал он на немецкий народ. Это Наполеон мог издавать кодекс законов, еще и сейчас пользующийся хождением во многих странах, это Наполеон мог сказать о себе: да, я горд, потому что храбр. Я горд, потому что совершил много великого для французского народа. Меня можно убить, но не обесчестить. Мои каналы, дороги, гавани, укрепления, мосты, здания передадут мое имя в потомство точно так же, как и блистательнейшие победы. Если б судьба даровала мне несколько лет мира, то я бы сделал из Парижа столицу всего света, из Франции — настоящий роман...

Гитлер может сказать: я сделал больше. Я разрушил всё, что построили другие. Я покрыл Европу развалинами. Это делают мои немцы, у которых я отнял все законы. Чем давать новые, — проще упразднить все старые. Мы варвары и мы хотим быть варварами. Это почетное звание. Современный мир подходит к концу. Нашей же единственной задачей является разрушение этого мира...

Образовывать народ? Зачем? Мы предоставляем огромной массе низших классов благо неграмотности. Чем ниже культурный уровень рабочего класса и всего народа, тем больше у нас шансов удержать власть. Мы всех сделаем солдатами — и горбатых, и хромых, и одноглазых. А кто не может держать оружие, — тех мы просто отравим — и дело с концом!

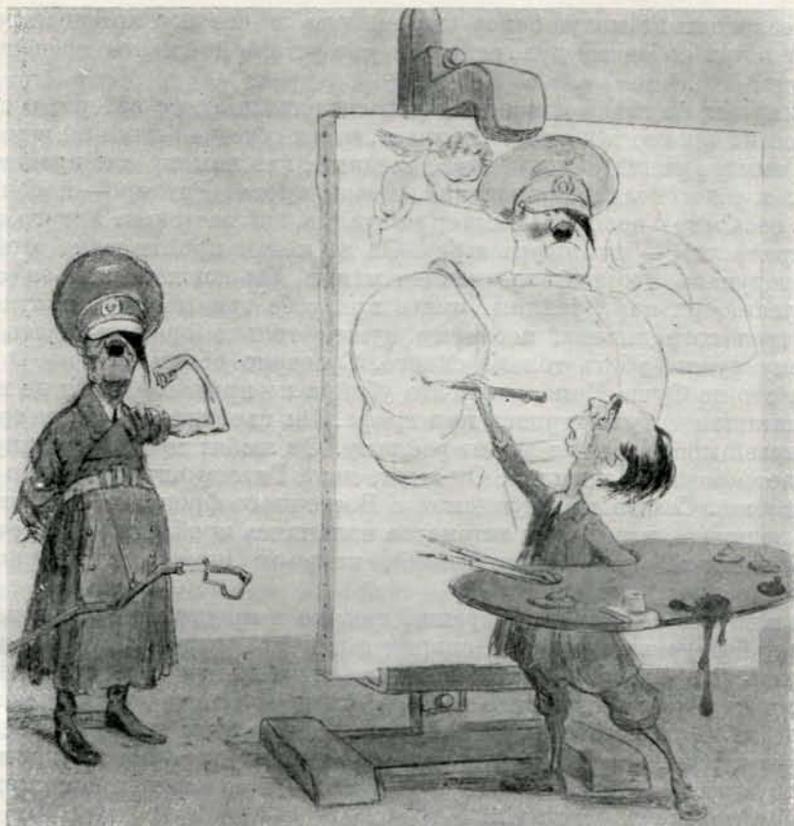
Может быть, Гитлер не успел в этом? Он вспоминает демонстрации, парады, погромы, драки, грабежи, зверства, — нет, он успел несомненно, он хорошо успел в этом нехитром деле, он может топорщить свои короткие усы от гордости.

Честные немецкие крестьяне стали бесчестными, жадными, грубыми, стали убийцами, ворами, азартными игроками в карты, растлителями, негодяями...

Честные немецкие рабочие разложены, обмануты, ослеплены, с ними можно не стесняться. Их можно вести куда угодно, им можно замазать рот и завязать глаза, наполнить их уши вздором об олигархии англичан, о дикости и жестокости русских. Часть из рабочих соблазнилась легкой наживой, сама стала грабить и убивать не без удовольствия, хапать в завоеванных странах все, что нравится...

Немцы сделались непохожими на другие народы. Ничего духовного у них нет больше в натуре. Конечно с добрыми чувствами, конечно с совестью, конечно с пресловутой немецкой честностью, со всеми моральными запросами. Наступило чудное царство посредственности, жвачки, случки, драки и обогащения за счет слабейших.

Вот оно, гитлеровское царство всемирных покорителей. Двунogie, не рассуждающие, но умеющие летать, плавать, стрелять из автоматов, ездить на танках и резать стариков, детей и женщин. Женщин! Немецкие садические убийцы-одиночки мирного времени просто дети против того массового убийства женщин и девушек, которое возведено в систему. Убить не просто, насильник еще издевается над своей жертвой. Насильника сменяет убийца, и концы в воду. И, главное, можно убивать без кон-

«НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЁРТ, КАК ЕГО МАЛЮЮТ»

Карикатура на Гитлера и Геббельса

Рисунок Кукрыникова (акварель, тушь, перо), 1942

Третьяковская галерея, Москва

ца этих славянских женщин, ведь сам фюрер сказал, что нужно прекратить рождаемость славянских народов!

Отныне немцы будут сражаться, а все знатные баре с фамилиями на «Г» — Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс и другие — будут направлять их туда, куда им заблагорассудится. И все это только начало. Дальше будет совсем прекрасная жизнь. Никакой законности, никакой ответственности, одна своя рука владыка, бей, грабь, режь — никакой пощады никому. Так сказал фюрер!

Что? Наполеон с его жалким проектом похода в Индию через Каспийские степи, проектом, который вынашивался годами и так и не дождался исполнения. Уже сейчас немец кромсает Европу, завтра он будет кромсать весь мир! А народ? Народы будут вырезаны!

Уже приступлено к этому опыту в больших масштабах и в Западной Европе и в России, и он проходит в иных местах успешно. Если голодом, пулями, виселицами работать несколько лет подряд, не останется ни одного поляка, ни одного грека, югослава, да и русских и французов побавится.

Так мечтает Гитлер в Берхтесгадене, когда ему не спится. Но ему не спится, потому что он вспотел от странной и неожиданной мысли: а если это не удастся, а если немцы, отступающие от Москвы, больше не остано-

вятся, если они не могут более «побеждать» и все его хриплые речи не вдохнут в них победный дух, если они уже устали до смерти побеждать — что тогда?

Он хватает со стола доклады, приготовленные ему с вечера, о состоянии умов на фронте и в тылу. Он знает, что в соседней комнате ждет Гиммлер. Гиммлер сидит уже два часа, бледный, как вампир с накрашенными губами, и ждет новых приказаний, новой крови. Гитлер — палач, орудий на весь мир о казнях, Гиммлер молчалив, как застенок. У него только одна странность — это цифра «три». Он не может пройти мимо этой цифры равнодушно. Это его болезненная мания. Он должен есть за столом три яблока, три картофелины, иметь при себе три носовых платка, вызывать трех сотрудников, хотя ему нужен только один, убивать трех, когда ему нужно убить только одного. Суеверие обязывает.

Нет, это не Фуше Наполеона. Это убийца по призванию. Он не нуждается в пышном титуле герцога или графа. Он пьет за завтраком три стакана бычьей крови. Он не любит рекламу. Он любит мрак и тишину, все, что отдает кровью и могилой. Он ждет, пока Гитлер читает сводки о состоянии умов. Солдаты пишут домой с Восточного фронта черт знает что. Можно подумать, что у этих автоматов появились проблески человеческих мыслей, какие-то кусочки ощущений, какие-то намеки на униженное человеческое достоинство.

Они пишут о том, что им страшно тяжело и просто страшно в лесах и сугробах, под дождем русских снарядов и пуль. Они пишут, что им нечего жрать, что они не знают, когда это кончится, что им надоело, да, да, там так и пишется: им надоело воевать, им не победить Россию, «она бесконечна». Они хотят домой, у них отморожены руки и ноги, их день и ночь грызут вши, как будто чужая земля грызет их за все их преступления, они видят, что все погибнут и русские всех прикончат, всех, кто уцелел от мороза и бегства...

Что? Гитлер хватает свое автоматическое перо, украшенное свастикой, подарок одного итальянского идиота, и пишет: немедленно прекратить всякую переписку фронта с Германией, немедленно запретить отпуска, немедленно позвать Гиммлера.

И Гиммлер входит тяжелым шагом палача. Он садится и протягивает папку с отчетом о настроении умов в тылу. Гитлер чувствует, как холодный пот выступает у него на лбу. Кругом голод, нищета, недовольство. Женщины прорвались на вокзал к раненым и увидели, что они в грязи и не похожи на людей. Произошли бурные сцены. Женщины разнесли рынок. Женщины легли на рельсы, чтобы остановить воинский эшелон. Их расстреливали из пулеметов. Растут самоубийства, растет голодная смерть, растут недовольные, говорят, что Германия не выиграет войну, что приближается восемнадцатый год, что не надо было начинать войну с Россией; говорят, что на Восточном фронте гигантские потери, что немцы разбиты русскими и бегут, бросая танки, орудия, оружие. Говорят, что... Довольно!

Он встает. Гиммлер встает. Гитлер глядит в гиммлеровские глаза садиста, которому он сейчас подарит еще тысячи новых жертв, и говорит своим лающим голосом: «Кто попытается нарушить наш внутренний фронт, всюду, где бы ни было, тут в Германии, в Париже, в Польше, всюду — тот заплатится жизнью, наш ответ на все эти попытки — смерть!»

Он не знал, что в это время встретились в русском поле бежавшие с разных сторон два эсэсовца из дивизии, носящей название «Адольф Гитлер». Они упали в снег, обессиленные, изъеденные вшами, закутанные в женские платки. Они умирали не с криком: «хайль Гитлер!» Нет, они сказали совсем другое. Они сказали: «пусть будет трижды и четырежды проклят Гитлер, затацивший их сюда!»

3

Ночь Берхтесгадена длится. Над всей Европой коричневая ночь фашизма. За синей далью снежных Баварских Альп лежат всюду страны, где этой ночью убивают немецких часовых, поджигают склады, взрывают эшелоны, портят станки, портят сделанное на заводах вооружение и машины. Народы не хотят быть уничтоженными. Народы хотят уничтожить Гитлера.

Они знают его слова, они их хорошо запомнили: нужно уничтожить двадцать миллионов человек. Надо любыми средствами добиваться, чтобы мир был завоеван немцами.

Бездарный полководец и тупой убийца! Ты хочешь сравняться с великим Наполеоном на поле боя. Но Наполеон писал в приказе по своей армии: «Друзья! Я обещаю вам победы, но с условием, которое вы должны поклясться исполнить: уважайте народы, вами покоряемые, и не осмеливайтесь позволять себе ни малейшего насилия с побежденными. Если вы нарушите это условие, то будете не что иное, как варвары, бичи народов, и отечество ваше не признает вас своими сынами. Иначе вы потеряете всё, даже честь и славу...»

Нет, эти слова ничего не скажут жестокому, зажавшемуся выскочке, мещанину из пивнушки, пробившемуся к теплomu местечку.

Берхтесгаден — уютное местечко. Это приют бандитов, с отдельными кабинетами и подземельем для пыток. Здесь можно по-разбойничьи пировать и здесь можно отправлять провинившихся на тот свет, не выходя из дому. Это гнездо врагов демократических свобод, гнездо средневековой реакции и черносотенных погромов.

В таком черном гнезде должен быть свой Распутин. И он является к Гитлеру всегда, когда тот нуждается в помощи высших сил. Что же это за высшие силы? Как старая немецкая кухарка, Гитлер верит в колдовство, в заговоры, в заклинания. Вокруг знатного негодяя всегда поселяются прохвосты. Таким прохвостом, прожженным и ловким, мрачно замаскированным под астролога, является некто по имени Оссиетц. Он давно прижился в Берхтесгадене. Он показывается не всем. Он живет как темная сила, прячась в глубине дворца, так как его ремесло заклинателя требует таинственности. Он внушил Гитлеру, что все его бандитские цели исполнятся. Про Оссиетца запрещено писать в газетах, чтобы не сгладить его предсказаний. О нем запрещено говорить во дворце.

Только самые ближайшие к Гитлеру бандиты знакомы с ним. Он молчалив и чванлив. Это Распутин современной Германии. Это он связывает мещанина Гитлера с миром высших могучих духов, для сношения с которым нужны заклинания, написанные в старых книгах прошлых веков. Эти книги выискивают специальные люди через посольства Германии во всех странах и платят за них огромные деньги. Бред!

Гитлер не пьет и не курит, но для поддержки его «жизненных флюидов» Оссиетц делает ему специальный напиток, секрет которого умрет с ним. Какой гадостью он поит своего кровавого фюрера, нас мало интересует.

Оссиетцу отведены особые комнаты и одна такая, куда не впускают никого. Там он чертит магические круги и вызывает духов. Там он колдует Гитлеру и открывает будущее. Там он предсказал Гитлеру дни, в которые надо начинать войны против тех или иных государств.

Наполеон был суеверен, как все горцы его родины Корсики, но он в три шея выгнал бы всякого шарлатана со всей его чертовщиной.

Оссиетц храбро дал понять Гитлеру, что его фюрерская жизнь связана с жизнью Оссиетца по показаниям небесных светил и что нужно беречь его, Оссиетца, так как пока он жив, будет жить и Гитлер.

Он предсказывал победы всюду, и светила показали, что день 22 июня, день, когда Наполеон начал войну против России, благоприятен вдвойне: во-первых, он посрамляет Наполеона и увеличивает славу Гитлера, во-вторых, само небо, говоря языком Оссиетца, стоит за большие начинания в этот день. То, что не удалось Наполеону, удастся избраннику колдуна — Гитлеру.

Мрачной декабрьской ночью он входит в комнату Гитлера и ведет его в тот закрытый непосвященным зал, где камин с огромным глобусом. Тут Гитлер может говорить с ним о Москве и о том, что случилось с предсказаниями. Если его генералы не могут ответить на этот вопрос, то пусть ответит колдун. Чёрт возьми, даром что ли он жрет его хлеб и пьет его лучшие вина?

Не помогли заклинания и гаданья на кофейной гуще. И язык небес какой-то другой. С неба сыпятся английские и советские бомбы, они испортили всю чертовщину Оссиетца. Немецкие солдаты, дрожа от холода, замерзая в окопах, не знают, что их судьба зависит от того, что скажет келейный колдун наедине со всемогущим атаманом их механизированных банд. Дураки, предводимые сумасшедшим, ничего не поняли бы в сложном искусстве шарлатана. Что он предскажет еще — неизвестно, а факт тот, что их бьют каждый день и в хвост и в гриву, а Гитлер ждет ответа от Оссиетца, что же это значит.

Не за этим ли умчался он из Берлина в Берхтесгаден, так как его возвышенная душа жаждет неземного общения, чтобы как-нибудь выправить дела.

Если Наполеон говорил, что он сделал бы из Парижа роман, то из Берхтесгадена уже вышел дешевый, бульварный роман — радость тупого и темного немецкого лавочника, роман, который можно выпускать под захватывающими заголовками десятком выпусков: «Тайны подземелий», «Колдун и фюрер», «Что будет с Германией?», «Что ждет немецкую армию по показанию звезд и планет?»

Оссиетц хвастается, что он может вызывать даже тени умерших. Пусть он возьмет парочку тех эсэсовцев, что сдохли в русском снегу, с башкой, пробитой осколками русской гранаты. Они порасскажут фюреру немало интересного. Но чего доброго они загадят эту роскошную мебель своими лохмотьями, и свалившиеся с них вши расползутся по пушистому ковру и чего доброго доберутся и до жирного брюшка самого фюрера. Или пусть Оссиетц попросит прийти из загробного мира тень самого соперника Гитлера — тень великого Наполеона, и она расскажет ему подробно о том, что есть немалое сходство между положением его армии и армии Гитлера и что слова, легкомысленно сказанные в июне о том, что сходства нет, были действительно поспешные.

Нет, сам Оссиетц и никакие чертовские силы не могут помочь в такую тяжелую ночь, и даже его бурда, которую он всучивает Гитлеру, не вернет ему жизненных сил. Тут нужно что-нибудь покрепче. Жаль, Гитлер не пьет — нарезаться с колдуном в такую ночь самое лучшее.

4

Гитлер тоскует ночью в Берхтесгадене. Это тоска палача, у которого отняли новые жертвы, которого стегнули ледяным и огненным кнутом по спине так, что он почувствовал, что палачей бьют. А это только первый удар.

Он идет от колдуна прочь, спускается с высших сфер в комнату теплую, большую и тихую. Он отдергивает занавес и стоит с увлажненным взглядом. На громадных искусственных ветках спят птички. Их много. Они все разные и свезены сюда из разных покоренных стран. Пленные птички Берхтесгаденского застенка — их 78 штук. Когда одна из них

«ГИТЛЕР И СМЕРТЬ»

Карикатура Кукрыникова (акварель, белла, перо), 1942
Третьяковская галерея, Москва

околела случайно, палач плакал, он держал ее пестрое тельце на дрожащей ладони, и крупные слезы катились по его лицу уродца. Ну, конечно, это не люди. Что такое люди — это навоз мира, это немецкая грязь, из которой он лепит, что хочет, а птички — неведомые создания. Ах, птички! Тсс — не разбудить, они спят так чутко. Оставим их до утра, когда они будут услаждать его своим пеньем, криком и щебетаньем. Какая нежная душа у палача! Так всегда умиляются закоренелые убийцы.

Он проходит в библиотеку. Зачем она в Берхтесгадене? Он же ничего не читает, кроме «Мейн кампф». «Мейн кампф» лежит на полочке в каждой комнате Берхтесгадена с его собственноручным автографом. Но об этом чуть позже.

В библиотеке на него нашло воспоминание. Была одна женщина, которую звали Рената Мюллер. Гиммлер и Геббельс поссорились из-за нее и убили ее, по негласному приказу Гитлера. Они затравили ее. Они гнали ее через всю Европу. Она бросилась с пятого этажа и разбилась на смерть.

Воспоминание, которое всплыло в памяти, не отразило облика этой несчастной женщины. Нет, Гитлер увидел другое. Он ясно увидел, как он объясняется с этой ненавидевшей его женщиной впервые в этой библиотеке.

Он отступил на пять шагов и поднял руку, приветствуя ее нацистским приветствием. Она ничего не понимала и смотрела испуганно на его

деревянное лицо с вытаращенными глазами, пожирившими ее. Насладившись ее испугом, он сказал ей покровительственно:

— Я могу целыми часами держать так руку, а Геббельс не может, и Геринг не может, и даже Гиммлер не может, а я могу. Я могу так стоять, я могу так застыть, я могу так забыть всё, даже самого себя!

Рената не смеялась. Она чувствовала смертельную опасность. Она видела психопата, идиота, страшного своей необузданной болезненностью. Но дома она хохотала до истерики. Она еще не знала, что ее унижат, оскорбят и убьют.

И маньяк с оловянным взглядом будет также тупо тянуть руку, маршировать и улыбаться птичкам.

Наполеон говорил как-то знаменитому трагику своего времени Тальма, указывая ему на неестественность и пародийность жестов актеров, когда они изображают царственных особ в трагедиях. Он говорил:

— Тальма, вы приходите иногда во дворец ко мне утром. Вы тут увидите принцесс, потерявших возлюбленных, государей, которые потеряли свои государства! Бывших королей, у которых война отняла их высокий сан, видных генералов, которые надеются получить корону. Вокруг меня обманутое честолюбие, пылкое соперничество, вокруг меня катастрофы, скорби, скрытые в глубине сердца, которое прорывается наружу. Конечно, все это трагедия: мой дворец полон трагедией, и я сам, конечно, наиболее трагическое лицо нашего времени. Что же, разве мы поднимаем руки кверху? Разве мы изучаем наши жесты? Принимаем позы? Напускаем на себя вид величия? Разве мы выпускаем крики? Нет, не правда ли? Мы говорим естественно, как говорит каждый, когда он одушевлен интересом или страстью. Так делали и те лица, которые до меня занимали мировую сцену и тоже играли трагедии на троне. Вот примеры, над которыми стоит подумать.

Такого Гитлер сказать не мог. Он — самый кровавый шут мировой истории, трагедии нашего времени, горбатый палач, которого исправит только могила!

1941

О ТИГРАХ

От автора

Вскоре после прорыва блокады, в июне 1943 г., 30 Отдельная гвардейская танковая бригада полковника В. В. Хрустицкого была введена в бой на Синявинских болотах под Шлиссельбургом, а позднее переброшена в Песчаный карьер, откуда вела бой и подбила немецкий танк «тигр». На этом танке был как амулет прикреплен бронзовый зверь — символ непобедимости. При мне танкисты спилили его с танка, и Хрустицкий подарил его мне. Танк был рядом — я видел его.

Бронзовый зверь стоит и сегодня у меня на столе, а «тигра» я встретил уже в Ленинграде. Он стоял, будучи привезен в город, перед Артиллерийским музеем. В это время я получил предложение написать для заграничной прессы очерк. Я не знаю, был ли он напечатан за рубежом, но я написал о тиграх, с которыми мне пришлось встречаться в жизни.

1964

Однажды, путешествуя по Средней Азии, я попал в так называемые «тугаи» — джунгли на берегу широкой и желтоводной Аму-Дарьи. Мы с приятелем, местным человеком, шли в густой чаще, залитой могучими потоками щедрого южного солнца. Перед нами искрилось море листвы, отливавшее всеми цветами радуги. И над всем этим пестрым миром звенели невидимые птичьи хоры, какие-то зверьки с шорохом перебежали тропинку. Чаща жила полной жизнью, и вдруг наступила такая тишина,

что слышно стало, как далеко-далеко потрескивает камыш. И в этой гнетущей тишине, убившей жизнь, по всему зеленому миру раздалось тихое, вкрадчивое, тонкое мяуканье. Как будто плакал заблудившийся котенок.

— Скорее назад, — сказал мой приятель, — вы слышите это мяуканье?

— Да, что это такое?

— Это идет тигр. Он идет, и перед ним всё смолкает, все разбегаются кто куда. Все уступают ему дорогу. Уйдем-ка и мы подобру-поздорову...

И мы ушли, но я долго слышал далеко за собой этот мягкий и пронзительный, вкрадчивый и властный голос хозяина джунглей.

И я вспомнил, как я в Тбилиси, столице солнечной Грузии, в прекрасном музее с удивлением увидел чучело гигантского тигра. Я думал, что его привезли откуда-то издалека. Оказалось, его убили под самым городом. Он пришел из Ирана, этот зверь-бродяга, который тихо крал овец и коров и философствовал, греясь на камнях перед пещерой, где поселился. Вечером он смотрел на огни большого города под ногами, свешиваясь с обрыва и помахивая полосатым хвостом. Убили его случайно. Охотники думали, что им докучает медведь, и вдруг увидели перед собой тигра. Они выстрелили разом. Одна пуля прошла у него между глаз. Так можно попасть только со страху.

Я написал о нем стихи, о мирном тигре, сбжавшем от жены, бросившем уютное логово ради любви к приключениям, о звере-романтике, глазевшем на ночной Тбилиси и зевавшем на звезды.

Когда я поехал в Лондон, я читал эти стихи студентам, и они понравились одной девушке, которая потом присылала мне в Ленинград изображения тигров всех размеров и раскрасок. Это были хорошие, красивые звери, нарисованные мастерами, понимавшими толк в искусстве. Это были очень приятные царственные животные.

Потом я видел тигра, попавшего в трудное положение, но с честью из него вышедшего. Во время тяжелой зимы, первой блокадной зимы Ленинграда, тигр в зверинце остался без мяса. Он скутал и сосал лапу, как медведь. Ему зашивали в шкурку кролика кашу, и он бросался на кролика, разрывал его на куски и жрал кашу, удивляясь тому, какие на свете бывают странные кролики. Он научился есть щи, постные щи. Он стал вегетарьянцем.

Я думал, что я исчерпал все разновидности тигров, но на днях я увидел самого отвратительного представителя этой породы. Среди зелени парка, у Артиллерийского музея, на большой пустынной площадке он стоял, насупившись, потеряв свои формы прекрасного зверя, став огромным стальным ящиком. Это был тигр, сделанный на немецком военном заводе, уродливое создание тупой мысли, гитлеровский тигр, который хотел прыгнуть на Ленинград.

Он был создан рвать на куски человеческое тело, убивать женщин и детей, идти по лужам крови. Это был тот новый танк, на который возлагались надежды как на непобедимую машину, на стального зверя, которого ничто не берет. Его подбили наши танки и привели сюда, в город, чтобы все могли смотреть на усмиренное чудовище.

И он стоял широколобый и глупый, механический зверь, и дети тыкали прутиками в его бока. Конечно, он был страшен, когда он ревел и извергал огонь, но он был ничто перед простым русским человеком, который подпустил его на пятьдесят метров и убил его ярость. Весь фашизм в эту минуту показался мне такой же чудовищной машиной, слепой и глупой, направленной на бессмысленное уничтожение всего живого.

Он был предельно уродлив и отвратителен, этот немецкий эрзацтигр. Я заметил, что все смотрят на него с отвращением и презрением. И это был единственный тигр-людоед из всех виденных мной тигров!